

Полякова Александра

АБСОЛЮТНАЯ ВЫСОТА

Может ли настоящая близость быть смертельно опасной,
и стоит ли ради неё рисковать собой?

Полякова Игоревна Александра

Абсолютная высота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73067788

SelfPub; 2026

Аннотация

В небесной клетке, где тишина громче крика, Аня – пилот с душой, впитывающей чужую боль как огонь, – встречает Леона, короля льда, чья пустота скрывает бури. Их полет – катастрофа сердец: любовь рождается из трещин, но разбивает вдребезги. "Абсолютная высота" – лирическая исповедь о ранении, где спасение в прощании, а истинная близость – в невыносимой тишине. Роман, где эмоции жгут, как ожог, и оставляют эхо в душе. Ну и в итоге: лучше ли чувствовать всё или ничего?

Полякова Александра

Абсолютная высота

Дорогой читатель,

Ты, чьи границы иногда кажутся слишком тонкими.

Ты, кто носит в себе тихие ледники чужой боли.

Ты, чьё молчание бывает громче любого крика.

Эта книга – зеркало, поставленное между двумя одиночками вселенными. Между тем, кто чувствует слишком много, и тем, кто разучился чувствовать вовсе. Между прикосновением, которое ранит, и пустотой, которая спасает.

Возможно, перелистывая эти страницы, ты узнаешь в одном из них отражение своего собственного, самого тайного одиночества. Или услышишь эхо вопроса, который когда-то задавал себе в темноте: а что, если самая настоящая встреча – это катастрофа, после которой уже невозможно быть прежним?

Я посвящаю её тебе.

Тому, кто не боится посмотреть в эту трещину.

И тому, кто найдёт в ней не только боль, но и странную, искривлённую красоту.

Потому что иногда свет проникает именно через сломанные места.

АБСОЛЮТНАЯ ВЫСОТА

Пролог

Кабинет доктора Хофмана пах не лекарствами, а деньгами. Деньгами, превращенными в стерильность: дорогая краска без запаха на стенах цвета слоновой кости, полы из швейцарской лиственницы, обработанные бесшумным матовым лаком, воздух, пропущенный через японскую систему фильтрации, удалявшую даже память о пылинках. Для Ани Морель этот запах был одним из немногих, что не вызывали физического отклика. Он был пустотой, которая сейчас была желанным подарком.

Она сидела в кресле из модифицированного эластомера, повторявшего контуры тела предыдущего, неизвестного ей пациента, но не передававшего его тревог. В руках она держала лампочку накаливания на двадцать пять ватт. Она была холодной и гладкой.

– Сосредоточьтесь на объекте, фрау Морель, – голос доктора Хофмана был идеально откалиброван: теплый, но не липкий, профессионально заинтересованный, но без любопытства. – Опишите первичные тактильные ощущения.

– Стекло. Гладкое, почти скользкое. Металл цоколя –

шершавый, с микронными заусенцами, – её собственный голос звучал в её ушах чужим, дикторским. Отстраненным. Это был её щит.

– Эмоциональный отклик? Ассоциации?

Аня провела подушечкой большого пальца по теплой еще нити накала внутри колбы.

– Беспомощность. Запертая энергия. Возможность света, которому не позволено светить.

Доктор сделал пометку на планшете. Его перо скрипело по поверхности – звук, похожий на сухой шепот. Для Ани это было похоже на легкое щекотание в ушном канале.

– А теперь включите.

Она щелкнула выключателем на шнуре. Лампочка вспыхнула тусклым, теплым желтым светом. И тут же, тонкой, острой иглой, в центр ладони Ани впилося жжение. Она не отдернула руку. Её дыхание осталось ровным. Она годами тренировала эту мышцу – мышцу бесстрастного принятия.

– Боль, – констатировала она. – Точечная, температурная. Оценка в три из десяти. Сопутствующее ощущение – глупая настойчивость. Попытка быть полезной при полном отсутствии контекста.

– Прекрасно, – пробормотал Хофман, делая еще одну пометку. Его восхищение было клиническим, как у механика, наблюдающего за работой сложного, но чуждого двигателя. – Теперь, если можно, переведите фокус. На меня.

Аня медленно подняла взгляд. Доктор сидел напротив в

таком же кресле, его аккуратная седая борода обрамляла подчеркнуто нейтральное выражение лица. Он носил хлопковый халат поверх кашемирового свитера. Она проस्कанировала его.

– Хлопок поглощает пот, но ваш не поглощает ничего, потому что вы не потеете. Он пахнет... новизной. И дистанцией. Кашемир... – она чуть прикрыла глаза, – кашемир хочет быть мягким, но вы носите его как униформу. Он не смеет вызывать у вас уют. Ваши руки лежат на подлокотниках. Правая тяжелее левой – микронапряжение в двуглавой мышце. Вы пишете левой, но больше доверяете правой.

Она замолчала, вслушиваясь в тишину собственного тела. Искала эхо в своей нервной системе. Тревогу? Нет. Нетерпение? Минимальное, фоновое. Голод? Да, но физиологический, не более.

– Ничего, – наконец сказала Аня, и в её голосе впервые прозвучала настоящая, живая нота – облегчение. – Вы – профессиональная пустота. Вы построили внутри себя белый, звукоизолированный зал и живете в его центре. Для меня это... роскошь.

Хофман кивнул, уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. – Прогресс, фрау Морель. Вы учитесь различать отсутствие сигнала и контролируемое затишье. Это —...

Он не договорил.

Из-за двери донёлся детский плач – резкий, пронзительный, как нож, вонзающийся в барабанные перепонки. Аня

замерла, и мир сузился до вспышки агонии: острый укол в ягодицу, как от настоящего шприца, холодная сталь иглы, проникающая в мышцу, разливающаяся жгучим ядом по венам. Одновременно горло сжалось комком – солёным, вязким, полным чужой ярости, – а в висках застучала тупая, требовательная боль, эхом отдаваясь в каждом ударе сердца. Она почувствовала привкус слёз на языке – горький, детский, с ноткой шоколада, которого лишили. Её кожа покрылась мурашками, как от ледяного ветра, а ладонь, всё ещё сжимавшая лампочку, вспыхнула настоящим ожогом: красный, неровный след нити накаливания проступил на бледной коже, пульсируя жаром, будто её рука была чужой, детской, обожжённой несправедливостью. Аня вскрикнула – коротко, хрипло, – и лампочка выскользнула, покотившись по ковру с тихим, обвиняющим шорохом. Боль была не её, но она жгла изнутри, как пламя в запёртой комнате, высасывая воздух из лёгких. "Это не моё," – подумала она в панике, сжимая запястье, пытаясь пережать нервные пути, но эхо чужой обиды уже впиталось в поры, оставляя влажный, солёный пот на спине.

Доктор Хофман замер. Его профессиональное спокойствие дало трещину.

– Аня? Вы...

– Не трогайте меня! – её голос был хриплым от подавленной паники. Она вжалась в кресло, сжимая запястье поврежденной ладони, пытаясь физически пережать нервные пу-

ти. Боль была настоящей. Ткани под кожей горели. Она чувствовала соленый привкус чужих слез на своем языке.

Плач за дверью стих, сменившись убаюкивающим бормотанием няни. Ожог на ладони Ани начал медленно бледнеть, оставляя после себя лишь нестерпимую, влажную память о боли.

– Я... извините, – выдохнула она, глядя на исчезающее пятно. – Это было... неожиданно сильно.

Доктор медленно поднялся, подошел к раковине из черного гранита, налил в бумажный стакан воды. Поставил его на стол рядом с ней, не приближаясь. – Вам не за что извиняться. Это регресс к первичным, нефилтрованным реакциям. Мы знали, что путь будет нелинейным. – Он вернулся на свое место, его лицо снова стало маской спокойствия, но глаза наблюдали за ней с птичьей внимательностью.

Аня взяла стакан. Бумага была шершавой и безличной. Хорошо. Она сделала глоток, чувствуя, как холодная вода гасит пожар в её горле – не её пожар, чужой. Пожар чужой детской обиды. Её взгляд, блуждающий, ищущий точку опоры, упал на край стола доктора. Рядом с планшетом лежала брошюра. Глянцевая, дорогая. На ней был лаконичный логотип: стилизованная пихта и надпись «BRANDT HOLDING. Biomedical Research Division». На обложке – фото ультрасовременного здания, тонущего в зелени, и слоган: «Границы будущего – в понимании мозга».

– Новый спонсор? – спросила Аня машинально, просто

чтобы сказать что-то, чтобы вернуть контроль над голосовыми связками.

– Потенциальный, – кивнул Хофман. – Они интересуются пограничными неврологическими состояниями. Синдромом зеркально-тактильной синестезии в частности. Их фонд предлагает... беспрецедентные ресурсы.

– Чтобы изучить таких, как я? – в её голосе прозвучала горечь. – Или чтобы найти способ выключить?

– Чтобы понять, – поправил её доктор, но в его тоне не было убежденности. Была только научная жажда. Жажда разобрать сложный механизм на винтики. Аня поставила стакан. Ожог на ладони исчез полностью. Осталась лишь фантомная пульсация, эхо, которое она знала, будет преследовать её несколько часов. Она поднялась. Ноги слушались.

– На сегодня все, доктор. Спасибо.

– До следующей недели, фрау Морель. И... будьте осторожны. Избегайте скоплений людей. Публичный транспорт...

– Я знаю, – оборвала она его. – Я давно не ездила на поездах. Я летаю. В небе... люди далеко. Их шум приглушен.

Она вышла из кабинета в белую, тихую приемную. Мимо неё, держа за руку утихшего теперь малыша, прошла элегантная женщина. Ребенок посмотрел на Аню большими, влажными глазами. Аня почувствовала сладковатый привкус леденца на языке и легкое щекотание в носу от желания снова заплакать. Она резко отвернулась, уставившись в ок-

но на безупречный цюрихский пейзаж: озеро, горы, порядок. Она думала о брошюре. О «понимании мозга». Она думала о небе. Одиноким, холодным, бесконечно далеко от земной, копошащейся, чувствующей боли. Самолет – идеальная клетка. Стальная оболочка, отделяющая её от человечества. А в небе – только гул турбин и немое сияние звезд, которые ничего не чувствовали. Она не знала тогда, что «Брандт Холдинг» – это не просто название на брошюре. Что это наследство, выстроенное на холодном расчете и ледяном горе. Что у него есть лицо. Имя. И что её спасительное небо готовится стать местом их встречи – самой разрушительной и самой необходимой катастрофы в жизни обоих. Аня вздохнула, натянула наушники, глушащие мир, и вышла на улицу, где каждый прохожий был ходячей, невольной раной, а тишина была самым дорогим и самым недостижимым товаром на свете.

Ей семь, кухня в их крошечном домике у подножия гор пахла свежим хлебом и материнским отчаянием. Мама сидела за столом, сжимая виски, её мигрень была как гром в тишине. Аня, игравшая с деревянными фигурками, вдруг почувствовала это: острые иглы, впивающиеся в её собственные виски, как будто невидимая рука сжимала череп. Она закричала, упав на пол, и мама, подняв голову сквозь слёзы, прошептала: "Аня, милая, это не твоя боль. Перестань выдумывать." Но это была её боль. Чужая, но такая реаль-

ная – солёная на языке, тяжёлая в груди, как камень. С того дня каждый плач соседа, каждая ссора на улице впивались в неё, оставляя невидимые шрамы. Она пряталась в горах, где ветер заглушал человеческий шум, но даже там эхо чужих страданий преследовало её, как призраки в тумане. "Почему я чувствую всё?" – шептала она звёздам, и они молчали, холодные и далёкие.

Она понимала, что мир разобьет ее, если она не научится смотреть в сторону.

Ей тринадцать, тогда она впервые попыталась сбежать от этого. Школа в маленьком швейцарском городке, где каждый день был минным полем чужих эмоций. Смех одноклассницы, влюблённой в мальчика, – сладкий, искрящийся зуд в кончиках пальцев, как от статического электричества. Гнев учителя, скрытый под строгим тоном, – тупая боль в висках, будто невидимый молоток стучит по черепу. А хуже всего – одиночество той тихой девочки в углу класса: оно впивалось в Аню холодными иглами в живот, оставляя ощущение пустоты, которая эхом отзывалась в её собственной груди. 'Почему я?' – шептала она ночами, сжимая подушку, чтобы заглушить этот бесконечный хор. Она пробовала всё: наушники, перчатки, даже лекарства от бабушки, пахнувшие мятой и горечью. Но ничего не помогало. Мир просачивался сквозь поры, как вода через трещины в скале. Только небо дало передышку. Первый полёт с отцом – старый Cessna, взмываю-

щий над Альпами, – и вдруг тишина. Люди внизу стали точками, их эмоции – далёким, приглушённым гулом, как шум реки с вершины горы. 'Здесь я свободна', – подумала она, чувствуя, как ветер обнимает фюзеляж, а её тело, впервые, не корчится от чужой боли. Небо стало её панцирем, стальной оболочкой, где она могла дышать без чужих вздохов. Но даже там, в этой высоте, она знала: тишина – иллюзия, и однажды кто-то пробьёт её насквозь."

Глава 1

Самолетный ангар частного терминала, пахло стерильным холодом, керосином и деньгами. Не теми деньгами, что пахнут потом и жадностью, а другими – вымороженными, отполированными, превращенными в абстракцию. Воздух вибрировал от едва слышного гула турбин где-то на взлетной полосе, но здесь, в этом кафедральном своде из стекла и стали, царила почти церковная тишина. Идеальная обстановка для аудиенции у божества финансов.

Аня Морель стояла возле винта своего Pilatus PC-12, одетая в простые темные летные брюки, свитер из грубой шерсти и потрепанную, но идеально вычищенную кожаную куртку. В ушах у нее были беруши из специального пеноматериала, снижающие не только децибелы, но и эмоциональный «шум» низкой частоты – общую тревожность толпы, фоновую усталость, статичный гул человеческого недовольства. Она проверяла давление в шинах, методично, с привычной

автоматичностью, когда по спине ее пробежали холодные, ни с чем не сравнимые мурашки. Это был не звук. Не запах. Это было ощущение вакуума – как если бы в тщательно сбалансированную температуру комнаты внезапно открыли дверь в космос, высасывающую тепло, воздух, саму жизнь. Кожа на затылке натянулась, кончики пальцев онемели, а в груди образовалась пустота, не покоя, а после взрыва, где всё выгорело дотла. Она медленно выпрямилась и обернулась. Леон Брандт шёл по бетонному полу, но его шаги не издавали звука – только эхо тишины, как будто воздух расступался перед ним, создавая разрежение. Внутри него Аня почувствовала... ничего. Абсолютный ноль. Но под этим – едва уловимый, заглушенный ритм, как стук сердца зверька, запертого в ледяной клетке. Это было невыносимо: пустота, ревущая тишиной, и внутри – скрытый хаос, зовущий на дно. Леон, в свою очередь, увидел её не как человека, а как переменную в уравнении: хрупкую, но эффективную, с глазами, полными осторожного огня. В нём шевельнулось нечто редкое – не любопытство, а холодный расчёт: «Она не боится ничего, или боится всего.» Это была первая трещина в его броне, слишком крошечная, чтобы заметить, но достаточно глубокая, чтобы пустота внутри дрогнула.

Аня почувствовала это мгновенно: холодные мурашки по спине, как от открытой двери в космос, где нет ничего – ни тепла, ни звука, ни жизни. Его присутствие было разреженным, ледяным, давящим на барабанные перепонки, вызывая

лёгкое головокружение, словно она падала в бездну. Кожа на кончиках пальцев онемела, как от мороза, а в груди образовалась пустота – не покоя, а после взрыва, где всё выгорело дотла. Он пах стерильностью: дорогим костюмом, отполированным до блеска, с лёгким намёком на озон, как после грозы без дождя. Его глаза, серые как зимнее море, скользнули по ней – и это было как прикосновение холодного металла к обнажённой коже, безжалостное, оценивающее. Аня инстинктивно сделала шаг назад, чувствуя, как её тело интерпретирует его опустошённость: лёгкий озноб в костях, привкус металла на языке, как от окисленной меди. Но под этим – едва уловимый ритм, глухой стук запертого сердца, бьющегося в панике, как зверёк в клетке. Это было невыносимо: пустота, ревущая тишиной, и внутри – скрытый хаос, зовущий её на дно.

Он остановился в трех метрах от нее. Его спутники – мужчина в таком же безупречном костюме с планшетом и женщина с жесткой папкой – замерли чуть позади, как тени.

– Фрау Морель, – произнес он. Голос был ровным, бархатистым, лишенным интонаций. Он звучал как озвученный текст, а не живая речь. – Леон Брандт.

Аня кивнула, не протягивая руки. Физический контакт с этим... явлением был немислим. – Мистер Брандт.

Его глаза, серые, как зимнее море, скользнули по ней, по самолету, вернулись к ней. Оценка была мгновенной, тотальной и безличной. Он смотрел на нее как на функциональный

объект. Часть логистики.

– Ваше резюме впечатляет, – сказал он. – Горноспасательная служба, инструктор по выживанию, пилот-ас с налетом в пять тысяч часов. А потом... частные рейсы. Почему?

Вопрос был задан не из любопытства. Это был тест. Проверка на слабость, на нелогичность. Аня почувствовала слабую, но отчетливую волну чего-то из его спутников. Нетерпение от мужчины. Сдержанную тревогу от женщины. Они ждали её ответа, и их ожидание было липким, как влажный туман. Она игнорировала его, фокусируясь на ледяном штиле самого Брандта.

– В горах я спасала жизни, – сказала она ровно. – Теперь я просто обеспечиваю транспорт. Это проще.

– Проще, – повторил он, и в его абсолютно плоском тоне вдруг мелькнула тень чего-то. Не эмоции, а её отсутствия, доведенного до логического предела. – Вы считаете управление сложной машиной в трехмерном пространстве, в условиях турбулентности, с риском для жизни – простым делом. А спасение людей – сложным. Интересная иерархия ценностей.

Это была атака. Холодная, рациональная. Он пытался вывести её из равновесия, чтобы увидеть трещину. Аня сделала шаг к фюзеляжу, положила ладонь на холодный металл. Он дрожал от далекой работы двигателей где-то на поле. Эта вибрация была реальной, предсказуемой. Она помогала.

– В спасении слишком много переменных, мистер Брандт.

Люди – самая непредсказуемая из них. Самолет же... он подчиняется законам физики. И моим рукам. Здесь всё честно.

Он молча смотрел на нее. В тишине ангара Аня вдруг услышала – нет, почувствовала – едва уловимый ритм. Глухой, быстрый стук. Не от него. Внутри него. Это было похоже на аритмию, на бешеный пульс маленького, затравленного зверька, запертого в ледяной скорлупе его тела. Она непроизвольно перевела взгляд на его руки. Они были спокойно сложены перед ним. Ни один мускул не дрогнул.

– Вы боитесь, – сказала она тихо, почти про себя, не думая.

Снег хрустел под ногами, как разбитое стекло, а ветер нёс запах смерти. Это было пять лет назад, на леднике Маттерхорн – лавина накрыла группу туристов, и Аня, как всегда, чувствовала их: удушье в лёгких, холод в костях, паника, бьющаяся в висках. Она вела команду, её "дар" был радаром: "Там, под тем сугробом – сердцебиение слабеет!" Они откопали двоих живыми, но третий... её напарник, Марк, поскользнулся и упал в трещину. Аня почувствовала это мгновенно: хруст костей в её собственном теле, удушье в горле, как будто лёд сжимал её лёгкие. Она закричала, корчась на снегу, пока другие вытаскивали тело. После этого фантомная боль не уходила неделями – каждый вдох был его последним вздохом. "Ты спасла их, но потеряла себя," – сказал командир, и Аня ушла в небо, где люди были далёкими точками, а их эмоции – приглушённым гулом. Но даже там

она знала: тишина – иллюзия, а настоящая пустота ждёт её в форме человека.

Спутники Брандта замерли. Мужчина с планшетом чуть приподнял бровь. Женщина с папкой сделала едва заметное движение, будто хотела вмешаться. Сам Леон не изменился в лице. Ни тени удивления или гнева. Но тот самый далекий, заглушенный стук за его ледяным фасадом участился, забился в панике.

– Что вы сказали? – его голос не изменился ни на полтона.

Аня поняла ошибку, но отступить было поздно. Она встретила его взгляд. – Вы боитесь полетов. Ваш пульс сейчас под сто двадцать, хотя вы просто стоите на твердом бетоне. Адреналин. Кортизол. Леденящий страх в солнечном сплетении. Он пахнет... окисленной медью и старым потом. Перестаньте им так громко кричать. Он мешает мне работать.

Наступила мертвая тишина. Даже фоновый гул извне будто стих. Мужчина с планшетом смотрел на Аню, будто она произнесла смертный приговор. Женщина побледнела.

Леон Брандт продолжал смотреть на нее. Прошло пять секунд. Десять. Пятнадцать. Его лицо было непроницаемо. Но внутри, в том самом месте, откуда доносился стук страха, Аня вдруг почувствовала нечто новое. Острый, тонкий, как лезвие бритвы, интерес. Первый проблеск чего-то, что не было пустотой.

Он медленно, почти незаметно кивнул.

– Мой психотерапевт называет это остаточной фобией, – произнес он тем же ровным тоном. – Иррациональный рудимент. – Он сделал шаг вперед, сократив дистанцию. Теперь ледяное разрежение ощущалось физически, как приближение к открытому люку морозильной камеры.

Аэропорт Женевы, восемь лет. Леон стоял у огромного окна, прижимая плюшевого медведя – подарок матери перед отлётом. "Мы вернёмся с сувенирами из Италии," – пообещала она, целуя в лоб. Но самолёт исчез в облаках, и через час дядя, с каменным лицом, сказал: "Они не вернуться, Леон. Катастрофа над Альпами." Он ждал слёз, крика, чего угодно – но пришло только ничего. Пустота, как вакуум в груди, высасывающий воздух. На похоронах родственники рыдали, а он стоял неподвижно, чувствуя только холодный ветер на щеках. "Ты сильный, как отец," – сказал дядя, и Леон кивнул, запирая хаос внутри. Ночью он пытался плакать, глядя на фото родителей, но слёзы не шли – только лёд, растущий внутри, как панцирь. "Эмоции – слабость," – повторял он, строя империю на этой пустоте. Но иногда, в тишине кабинета, он шептал: "Почему я не чувствую?" – и ветер за окном отвечал молчанием.

– А вы, фрау Морель, кажется, обладаете... обостренным восприятием физиологических реакций. Это часть вашего бывшего спасательного опыта? Угадывать, кто в панике, а кто сохраняет хладнокровие?

Его слова были ширмой. Он изучал ее. Искал источник её

знания.

– Что-то вроде того, – сухо ответила Аня, отводя взгляд к кабине. – Самолет готов. Маршрут на Цюрих загружен. Мы вылетаем, когда вы дадите команду.

– Вы не задали главный вопрос.

– Какой?

– Почему человек, который боится летать, нанимает личного пилота, вместо того чтобы пользоваться виртуальными совещаниями или поездами.

Аня наконец посмотрела на него прямо. В его серых глазах она увидела не вызов, а нечто более странное – отчаянный, безнадежный эксперимент.

– Я не психоаналитик, мистер Брандт. Я нанята как пилот. Мое дело – доставить вас из точки А в точку Б. Ваши мотивации меня не касаются, пока они не угрожают безопасности полета.

Уголок его безупречного рта дрогнул на миллиметр. Это не была улыбка. Это было микроскопическое движение лицевых мышц, которое у любого другого человека ничего бы не значило. Но для Ани, ощущавшей его целиком, это движение было подобно землетрясению. Оно породило короткую, болезненную вспышку чего-то в его пустоте. Что-то похожее на... горькое признание. На солидарность с её цинизмом.

– Рационально, – заключил он. – На борту есть кофе?

– Есть всё, что предусмотрено контрактом.

– Тогда я готов. – Он повернулся к своим спутникам, дав кивком отбой. – Я свяжусь из Цюриха.

Аня наблюдала, как тени-помощники удалились, их волны тревоги и любопытства постепенно затихли. Она осталась наедине с Леоном Брандтом и его леденящей, громкой пустотой, внутри которой билось перепуганное сердце.

Он подошел к трапу, его взгляд скользнул по ступеням, и на мгновение его дыхание – такое ровное, контролируемое – дало сбой. Почти неслышный спазм в горле. Страх, чистый и животный, ударил по Ане волной тошноты и слабости в коленях. Она инстинктивно схватилась за дверной косяк.

Леон заметил это. Его глаза сузились.

– Вам нехорошо, фрау Морель?

– Со мной всё в порядке, – сквозь зубы произнесла она, заставляя себя выпрямиться. – Прошу, поднимайтесь.

Он вошел в салон. Аня сделала глубокий вдох, собирая себя в кулак. Она думала, что небо будет её спасением. Что на высоте, в одиночестве кабины, она найдет покой. Теперь она понимала, что совершила ужасную ошибку. Аня загнала себя в металлическую трубку на несколько часов с самым интенсивным, самым невыносимым источником эмоционального диссонанса, который ей когда-либо встречался. Она потянула за собой дверь, щелкнул замок. Теперь они были заперты вместе. Она прошла в кабину, заняла левое кресло. Через открытую дверь в салон Аня видела, как Леон пристегнул ремни, его поза была неестественно прямой, руки

лежали на подлокотниках, пальцы вцепились в кожу так, что костяшки побелели.

Она надела шлем, включила связь с диспетчерской. Её руки двигались автоматически, выполняя десятки проверок. Но всё её существо было сфокусировано на том, что происходило за её спиной. На этой ледяной, режущей пустоте, внутри которой бушевала тихая, безумная гроза страха.

Двигатели взревели, набирая мощность. Самолет тронулся с места, покатился по рулежке. Аня чувствовала, как с каждым метром, с каждой секундой, приближающей их к взлету, тихий ужас в салоне нарастает, сгущается, превращаясь в почти осязаемую субстанцию. Он давил на её барабанные перепонки, сжимал легкие. Она вырулила на исполнительный старт. Полная остановка. Последняя проверка.

– Готовы, мистер Брандт? – спросила она через бортовую связь, не оборачиваясь.

В ответ – лишь короткий, прерывистый выдох, который для неё прозвучал как крик.

– Выполняйте, – донесся его голос, и в нем впервые появилась трещина. Тончайшая, но слышимая. Паника.

Аня открыла дроссели. Pilatus рванул вперед, набирая скорость. Перегрузка вдавила их в кресла. И в этот момент, в самый момент отрыва колес от земли, когда самолет преодолевал невидимый барьер между землей и небом, Леон Брандт проиграл свою битву. Волна чистейшего, первобытного ужаса накрыла Аню с такой силой, что у нее потемнело

в глазах. Она почувствовала, как немеют пальцы на штурвале, как холодный пот стекает по спине, как сердце колотится где-то в горле. Это был не её страх. Это был ЕГО страх. Абсолютный, всепоглощающий, как у ребенка, падающего в бездну. Она вскрикнула, инстинктивно потянув штурвал на себя, хотя самолет и так набирал высоту по глиссаде.

– Фрау Морель? – его голос в наушниках был чужим, сдавленным.

Аня закусил губу до крови. Боль, своя, реальная, помогла ей зацепиться за сознание. Она выровняла машину, включила автопилот на набор высоты и, наконец, позволила себе тяжело, судорожно дышать.

– Всё... в порядке, – выдавила она. – Мы на эшелоне.

За её спиной воцарилась тишина. Но это была не прежняя пустота. Это была пустота после катаклизма. Расколотый лёд. И сквозь трещины теперь сочилось что-то новое. Стыд. Унизительный, жгучий стыд от потери контроля. И под ним – дрожь истощения. Аня смотрела вперед, на безоблачное небо над Швейцарией. Альпы на горизонте сверкали белизной, холодные и безразличные. Она думала о деньгах, которые ей заплатят за этот рейс. Она думала о том, что следующий час будет одним из самых длинных в её жизни.

И она еще не знала, что этот леденящий ужас, эта расколотая пустота за её спиной – это только начало. Что их полет – метафора. Что они уже оторвались от твердой почвы привычной реальности и теперь летят навстречу не просто

грозовому фронту над Церматтом, а к катастрофе, которая навсегда изменит траекторию их падения.

Глава 2

Тишина в кабине после взлета была невыносимой. Её заполнял не только гул турбин, но и густая, тягучая субстанция стыда, источаемая человеком в салоне. Аня чувствовала её на языке – горький, металлический привкус, как после приема сильнодействующего лекарства. Она сжала пальцы на штурвале, чувствуя, как искусственная кожа обтягивает стальные рукояти. Это была реальность. Твердая, неоспоримая. Она бросила быстрый взгляд в маленькое зеркальце, установленное под углом, чтобы видеть салон. Леон Брандт сидел неподвижно. Его поза по-прежнему была безупречно прямой, но теперь в ней читалась не надменность, а окаменелость. Его лицо, освещенное холодным светом из иллюминатора, было похоже на маску из фарфора. Только мускул на скуле ритмично подрагивал – микроскопический тик, который никто, кроме Ани, чувствовавшей этот спазм как собственное напряжение в челюсти, не заметил бы.

Автопилот вел машину ровно, стрелки приборов замерли в зеленых секторах. За бортом простиралась синева неба, а внизу, как гигантская рельефная карта, лежала Швейцария: аккуратные квадраты полей, точечные скопления домов, серебристые нити рек. Мир, который Аня могла наблюдать, но в котором не могла жить. Сейчас этот вид был её спасением.

Дистанцией.

– Фрау Морель. – Его голос в наушниках прозвучал внезапно, заставив её вздрогнуть. В нём больше не было паники. Была ледяная, выверенная до миллиметра плоскость. Он восстановил контроль. Но для Ани это было хуже. Контролируемая пустота была острее, чем хаотичный страх. Она резала, как хирургический скальпель.

– Да, мистер Брандт?

– Вы пренебрегли процедурой предполетного брифинга. – Он говорил ровно, без упрёка. Констатация факта. – Я не был проинформирован о продолжительности полета, маршруте, зонах возможной турбулентности и процедурах на случай чрезвычайной ситуации.

Аня почувствовала укол раздражения – своего собственного, живого, горячего. Оно было почти приятно на фоне его ледяного безразличия.

– Вы наняли опытного пилота, а не няньку, – отрезала она, следя за экраном радара. На краю отображалась небольшая зона возмущений. Ничего критичного. – Информация в бортовом журнале перед вашим креслом. Аварийные инструкции – на карточке в спинке сиденья. Кислородные маски сверху. Выходов два: основная дверь и аварийный люк. Удовлетворены?

В ответ – пауза. Она чувствовала, как его внимание, тяжелое и аналитическое, будто луч лазера, скользит по её затылку, плечам, рукам на штурвале.

– Вы не смотрите на меня, когда говорите, – заметил он. – Это признак неуважения или... дискомфорта?

Аня замерла. Он играл с ней. Как кот с мышью. Вынюхивал слабость.

– Мой долг – следить за приборами и воздушной обстановкой, мистер Брандт, – сказала она, намеренно медленно переводя взгляд с радара на искусственный горизонт. – Вы – часть груза. Очень ценный, но все же груз. Я смотрю на то, что обеспечивает его сохранность.

Её слова повисли в воздухе. И вдруг она почувствовала это. Слабый, но отчетливый импульс. Не эмоцию, а её тень. Что-то вроде... холодного любопытства, смешанного с едва уловимой искоркой раздражения. Он не привык быть «грузом». Это задело ту маленькую, тщательно скрытую часть его, которая все еще отождествляла себя с властью, с контролем.

– Прямолинейно, – произнес он. В его голосе снова появился тот едва уловимый оттенок, который она не могла идентифицировать. – В вашем резюме сказано, что вы были командиром спасательной группы. Лидером. А теперь вы водите одинокий самолет, избегая даже зрительного контакта с пассажиром. Деграция навыков или сознательный регресс?

Удар был точен и безжалостен. Он нашел самое больное место и ткнул в него пальцем, облаченным в перчатку из рациональности. Гнев вспыхнул в Ане жаркой волной. Она по-

чувствовала, как краснеет её шея, как сжимаются кулаки. Но вместе с её гневом, парадоксальным образом, она ощутила и его реакцию. Не радость от удачной атаки, а нечто иное. Ожидание. Он хотел её гнева. Вызывал его нарочно. Как будто только сильная, негативная эмоция могла пробить броню его собственного безразличия, дать ему точку отсчета, подтверждение, что он еще может что-то вызывать в этом мире.

Аня сделала глубокий вдох. Она не даст ему этого. Она научилась гасить в себе эмоции, иначе давно бы сошла с ума.

– В горах я была частью системы, – сказала она, глядя в иллюминатор на приближающиеся белые шапки Альп. – Системы, где каждая ошибка стоила жизни. Здесь система – это я, самолет и законы физики. Люди... люди вносят хаос. Их эмоции – это помехи. Я устранила переменную. Это не регресс, мистер Брандт. Это оптимизация.

Молчание за её спиной стало густым, тягучим. Она чувствовала, как его аналитический луч сканирует её слова, ищет изъяны, ложь. Искал и не находил. Потому что это была правда. Горькая, уродливая, но правда.

– Вы называете человеческие эмоции помехами, – наконец произнес он. Его голос звучал ближе. Он, должно быть, наклонился вперед, к перегородке. – Интересно. А что вы тогда называете тем, что случилось со мной при взлете? Сверхпомехой?

Аня сглотнула. Призрак его страха снова прошелся холодными пальцами по её позвоночнику. Она видела на радаре,

как зона турбулентности приближается. Через пару минут их ждала небольшая тряска. Идеальный момент.

– Я называю это иррациональным страхом, – сказала она. – Сильным биологическим импульсом, не имеющим под собой логического обоснования в данной ситуации. Самолет – самый безопасный вид транспорта. Вероятность катастрофы ничтожна. Ваш страх – атавизм. Как боязнь темноты. Он не полезен. Он лишь мешает.

– Мешает вам, – уточнил он. И в его голосе впервые прозвучала нечто, похожее на живой интерес. Не холодный, а острый, заинтригованный. – Потому что вы его... чувствуете. Не так ли?

Сердце Ани упало. Он догадался. Не обо всем, конечно. Но о главном – о её гиперчувствительности.

В тишине кабины, пока самолёт набирал высоту, Аня подумала о матери – той, чья боль первой проникла в неё, как вирус. После смерти отца мама заперлась в себе, её грусть была как свинец в Аниной груди, тянущий вниз. "Я чувствую тебя, мама," – шептала Аня ночами, прижимаясь к двери её комнаты, но ответом была только тишина, громче любого крика. Это научило её: чужие эмоции – цепи, но и якорь. Без них она была бы пустой, как небо без звёзд.

– Я хорошо читаю людей, – буркнула она, пытаясь отшутиться. – Это часть старой работы.

– Нет, – отрезал он. Его голос был теперь совсем близко. Он стоял в дверном проеме кабины, нарушая все прави-

ла безопасности. Его фигура заслонила свет из салона. – На взлете вы вскрикнули. В тот самый момент, когда страх достиг пика. Не от неожиданности. Вы... сжались. Как будто вам стало физически больно.

Аня не оборачивалась. Она смотрела вперед, на сгущающуюся перед ними пелену высококучевых облаков. Её ладони вспотели.

– Вернитесь на место и пристегнитесь, мистер Брандт, – сказала она, и её голос прозвучал жестко, по-командирски. – Мы входим в зону турбулентности.

Он не двинулся с места. Он изучал её профиль, сжатую челюсть, быстрые движения глаз по приборам.

– Вы боитесь не за мою безопасность, – тихо сказал он. – Вы боитесь меня. Или того, что я в вас вызываю. Что это, фрау Морель? Эмпатия в гипертрофированной форме? Неврологическое расстройство? Или...

Самолёт тряхнуло, как телегу на булыжной мостовой, и Леон, потеряв равновесие, схватился за косяк – его пальцы впились в пластик с хрустом, отдающимся в Аниных костях. Волна паники ударила в неё остро, как нож в живот: тошнота подкатила к горлу, холодный пот проступил на спине, стекая липкими ручьями, а колени ослабли, дрожа от чужого ужаса. Это был не её страх – он был его: животный, первобытный, пахнущий старым потом и окисленной медью, сжимающий лёгкие. Аня резко обернулась, её лицо исказилось гримасой: боль жгла в мышцах, как электрический разряд, а в

ушах звенело эхо его прерывистого дыхания. "Пристегнуться! Сейчас же!" – прошипела она, и её глаза горели яростью, смешанной с агонией, – его страх впивался в неё, как когти, разрывая ткань души. Леон замер, глядя на неё расширенными глазами, и в этот миг Аня почувствовала узнавание: его боль отражалась в ней, как в зеркале, теплая и жгучая, проникающая в каждую клетку. Самолёт тряхнуло сильнее, и она отвернулась, хватаясь за штурвал, чувствуя, как его паника смешивается с её собственной – солёный привкус слёз на губах, дрожь в пальцах, как от лихорадки. Это была не война – это была синхронность, интимная и разрушительная, где их тела говорили на языке, который слова не могли передать.

Он видел не просто раздраженного пилота. Он видел человека в агонии. И в этот миг, сквозь привычную пустоту, в нем что-то дрогнуло. Не понимание, но инстинктивное узнавание. Он видел боль. Настоящую, физическую. И эта боль, казалось, была отражением его собственной, внутренней, которую он давно похоронил.

Самолет снова тряхнуло, сильнее. Леон, не говоря ни слова, отступил в салон и молча пристегнулся. Его лицо снова стало маской, но внутренний лед дал глубокую, звонкую трещину.

Аня, дрожа от адреналина и чужого, впившегося в неё страха, развернулась к штурвалу, отключила автопилот и взяла управление на себя. Её руки работали быстро и точно,

выводя машину на более спокойный слой. Она чувствовала каждую болтанку всем телом, но теперь это была её боль. Реальная. От тряски. От напряжения мышц. Она цеплялась за эту реальность, как утопающий за соломинку.

Через десять минут они вышли из облаков. Самолет снова летел плавно. Солнце заливало кабину ярким светом.

В салоне царила тишина. Но это была уже другая тишина. Напряженная, насыщенная невысказанными вопросами и осознанием, что между ними существует некая невидимая, болезненная связь. Он – ходячая пустота, наполненная призраками страха. Она – ходячий сейсмограф, регистрирующий каждое его подземное толчок как собственное землетрясение.

Леон смотрел в иллюминатор на проплывающие внизу заснеженные пики. Его мысли, обычно холодные и логичные, метались, пытаясь найти рациональное объяснение. И не находя его.

Аня смотрела вперед, на приближающийся Цюрих. Ей оставалось терпеть всего полчаса. Полчаса этой невыносимой близости. Но где-то в глубине души, в том месте, куда она боялась заглядывать, уже зародился леденящий ужас от понимания: этот полет – не случайность. Это начало. И конца этому не будет, пока один из них не разобьется вдребезги.

Глава 3

Солнечный свет, хлынувший в кабину после выхода из облаков, был обманчивым. Он освещал приборную панель, заливал теплом руки Ани на штурвале, но не мог прогнать ледяное эхо, оставшееся в её нервной системе. Каждый мускул был напряжен, будто готовился к новому удару. Она ощущала его присутствие за спиной с болезненной остротой, как будто у неё между лопаток находился незримый, но сверхчувствительный орган, настроенный исключительно на Леона Брандта.

Он не издавал ни звука. Но его тишина была теперь иной. Раньше это была тишина вакуума, космической пустоты. Теперь же она напоминала тишину лаборатории, где проводят деликатный и опасный эксперимент. Она чувствовала на себе вес его аналитического, беспощадного внимания. Он не просто сидел там. Он изучал её.

Аня сосредоточилась на приборах. Высота 8500 метров. Скорость 280 узлов. Запас топлива, давление в гидросистемах, температура масла – всё в зеленой зоне. Она мысленно проговорила каждое значение, как мантру, пытаясь отгородиться от салона стеной из цифр и фактов. Но её периферийное восприятие, та самая проклятая гиперчувствительность, фиксировало каждую микро-деталь, исходящую от него.

Она чувствовала едва уловимое движение его глаз, скользящих по интерьеру салона, по переплетению тросов за обшивкой, по её затылку. Это ощущалось как легкое, настойчивое давление в точках, куда падал его взгляд. Она чувство-

вала микронапряжение в его теле – не страх сейчас, а собранность, предельную концентрацию хищника, выслеживающего добычу. От этого исходил холодок, словно от приоткрытой дверцы морозильной камеры.

– Фрау Морель. – Его голос в наушниках был теперь тише, но от этого не менее пронзительным. Он звучал как ультразвуковой скальпель.

– Да, мистер Брандт? – её собственный голос прозвучал хрипло. Она откашлялась.

– Вы принимаете лекарства.

Это не был вопрос. Это был вердикт.

Аня почувствовала, как холодеет кожа на лице. Её взгляд машинально метнулся к боковому карману её летной куртки, где лежал плоский пластиковый контейнер с таблетками. Сильнодействующий миорелаксант и мягкий транквилизатор, которые прописал Хофман. «Для купирования психосоматических реакций при перегрузке», – говорил он. Она принимала одну перед особенно сложными рейсами или походами в людные места.

– Это не касается безопасности полета, – отрезала она, стараясь, чтобы в голосе не дрогнула ни одна нота.

– Всё, что касается состояния пилота, касается безопасности полета, – парировал он с ледяной логикой. – Особенно если пилот демонстрирует признаки... нестандартного восприятия реальности. Вы вскрикнули от моего страха. Вы сжимались, будто от физической боли, когда я говорил с ва-

ми. Вы пытаетесь заглушить что-то таблетками. Что именно, фрау Морель? Галлюцинации? Панические атаки? Или что-то более экзотическое?

Каждое его слово било точно в цель. Он разбирал её по косточкам, как бухгалтер разбирает спорный баланс. И делал это без малейшей жалости, с холодным, почти научным интересом.

Ярость, горячая и спасительная, снова поднялась в Ане. Она повернула голову ровно настолько, чтобы увидеть его отражение в затемненном стекле бокового иллюминатора. Он сидел, откинувшись в кресле, его поза была расслабленной, но в ней чувствовалась стальная пружина готовности.

– Мое психическое здоровье сертифицировано авиационной администрацией. Этого достаточно.

– И тем не менее, мы оба здесь. Вы – с вашими таблетками от реальности. Я – с моим «атавистическим» страхом. Интересная пара, не правда ли? Два сломанных механизма в одной летающей банке.

Его слова повисли в воздухе. «Сломанные механизмы». Это было так чудовищно, так цинично и так точно, что у Ани перехватило дыхание. Он не видел в них людей. Он видел функциональные единицы с дефектами. И её дефект его заинтересовал.

– Я не сломанная, – выдохнула она, но это прозвучало слабо, как детское оправдание.

– Нет? – Он сделал паузу, и Аня почувствовала, как его

внимание фокусируется на её руках, сжимающих штурвал. – Тогда скажите, прямо сейчас, что вы чувствуете. Физически. Опишите свои ощущения.

Это был ловушка. Провокация. Но отказаться – означало признать свою слабость.

– Я чувствую вибрацию двигателей через штурвал, – начала она, глядя вперед. – Тепло солнца на левой щеке. Прохладу от вентиляции на шее. Давление набегающего потока на фюзеляж...

– Не это, – мягко, но неумолимо прервал он. – Вы чувствуете меня. Что вы чувствуете от меня прямо сейчас?

Аня замолчала. Её горло сжалось. Она не хотела этого. Не хотела погружаться в этот мрачный, чужой океан. Но он заставлял её. Его воля, холодная и настойчивая, давила на неё, как атмосферное давление на глубине.

Она закрыла глаза на секунду. Отключила зрение, слух, всё, кроме того проклятого внутреннего радара. И позволила себе ощутить.

Сначала – фон. Тот самый лабораторный холод. Интеллектуальный интерес, острый и безэмоциональный, как луч лазера. Но под ним... под ним клубилось что-то другое. Не страх. Не гнев. Что-то более древнее и неуловимое. Скука. Всепроникающая, экзистенциальная скука, окрашенная в пепельно-серый цвет. Скука от бесконечных сделок, от безупречных интерьеров, от лиц, которые ничего не значат. Скука от собственной неспособности чувствовать что-либо,

кроме этой скуки и редких всплесков иррационального страха. Это была пустота, которая пожирала саму себя.

И ещё... тончайшая, едва уловимая нить чего-то похожего на... надежду. Дикую, абсурдную надежду. На то, что в ней, в этой странной, раздраженной женщине за штурвалом, заключено нечто. Нечто, что может пробить лед. Нечто, что может задеть. Даже если это будет боль. Даже если это будет ярость. Любое чувство, кроме этой всепоглощающей мертвой тишины.

Аня открыла глаза. Ей было физически плохо. Эта смесь ледящей скуки и отчаянной, голодной надежды была чудовищной. Как будто она проглотила комок сухого льда, который обжигал изнутри.

– Вы... вам скучно, – прошептала она, сама не веря, что говорит это вслух. – Ужасно, до тошноты скучно. И вы... вы хотите, чтобы я вас разозлила. Или напугала. Неважно. Главное – чтобы вы что-то почувствовали. Вы используете меня как... как электрошокер для вашей собственной души.

В салоне воцарилась гробовая тишина. Даже гул двигателей казался приглушенным. Аня почувствовала, как ледяной фронт его внимания дрогнул, затрещал по швам. Лабораторный холод сменился чем-то другим. Ошеломлением? Яростью? Она не могла понять. Сигнал был слишком сильным, слишком сложным.

Когда он заговорил, его голос потерял бархатистую ровность. В нем появилась низкая, опасная вибрация.

– Вы переходите границы, фрау Морель.

– Вы их перешли первым! – крикнула она, оборачиваясь наконец, чтобы встретиться с ним взглядом через проем. Её глаза горели. – Вы устроили мне допрос! Вы копаетесь во мне, как в неисправном приборе! Что вы хотите услышать? Что я сумасшедшая? Что я чувствую вашу мертвую тоску, как собственную? Что от этого мне хочется вырвать штурвал и направить этот самолет в первую же скалу, только чтобы это прекратилось?!

Она почти кричала. Слезы гнева и унижения стояли у неё в глазах. И в этот момент она увидела это. На его безупречном, каменном лице. Микроскопическое изменение. Не эмоция. Скорее... отражение. Как если бы её ярость, её боль, её живой, неконтролируемый огонь ударились о его ледяную поверхность и оставили на ней крошечную, почти невидимую трещину. Его зрачки чуть расширились. Мускул на скуле задергался чаще.

И самое странное – волна его скуки на мгновение отступила. Её место заняло нечто острое, почти болезненное. Интерес. Не аналитический. Живой. Голодный.

– Да, – тихо сказал он. Его взгляд не отпускал её. – Именно это я и хотел услышать.

В элитной школе-интернате, тринадцать лет. Леон сидел на задней парте, наблюдая, как хулиганы издеваются над тихим мальчиком – бьют по плечам, шепчут оскорбления. Он должен был ничего не почувствовать, как всегда. Но вдруг

вспышка: жжение в плече, как от удара, и ком в горле от чужого унижения. "Это не моя боль," – подумал он, но тело предало – руки задрожали. После урока он подошёл к мальчику: "Не сдавайся." Тот улыбнулся, и Леон почувствовал тепло – редкое, пугающее. Но ночью дядя позвонил: "Эмоции отвлекают от бизнеса. Заморозь их." Леон послушался, загоня тепло в лёд, и наутро снова стал пустым. "Лучше ничего, чем боль," – решил он, но иногда, в одиночестве, вспоминал тот проблеск как потерянный рай. А теперь эта женщина, Аня, видела его страх – и лёд трещал, угрожая прорывом.

Аня отшатнулась, будто он её ударил. Она резко отвернулась, уставившись в лобовое стекло. Её сердце бешено колотилось. Она сделала это. Она дала ему то, чего он хотел. Эмоцию. Сильную, raw, настоящую. И теперь он смотрел на неё не как на пилота, а как на феномен. На аномалию, которая может нарушать законы его внутренней вселенной.

– Больше ни слова, – прошептала она, больше себе, чем ему. – До посадки – ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.